

ЧЕРТЫ РЕЛИГИОЗНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ АЛЮТОРЦЕВ, НАРОДА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ КАМЧАТКИ

М. И. Попов

Постановлением Правительства Российской Федерации «О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации» от 24 марта 2000 года № 255 алюторцы обозначены как самостоятельный малочисленный коренной народ.

«Религиозные представления развивались в двух направлениях. Первое – понимание и толкование явлений природы, всей совокупности ее ощутимых проявлений (представления о явлениях природы, о животном и растительном мире, о происхождении и устройстве вселенной) и второе – развитие представлений о появлении человека, его связях с природой, о его положении в окружающей среде, перенесение им социальных условий собственной жизни на природу, на проявления сверхъестественного мира. В религиозных представлениях о человеке, обществе наиболее непосредственно отражаются состояние социально-экономического развития той или иной народности на данном отрезке ее исторического развития»,¹ – пишет И. С. Вдовин.

«Без четкого и ясного установления объема и содержания существующих представлений о природе и человеке невозможно: определить суть религиозного сознания, связь отдельных элементов этих представлений, ее обусловленность... В конечном счете вся религиозная атрибуция, все виды культов, через которые проявляется религиозность, пропитаны мировоззренческими (мифологическими) представлениями, бытующими у данного народа... Следовательно, основная задача при изучении религии того или иного народа сводится прежде всего к усвоению существующих у него мировоззренческих представлений об окружающей природе, о природе самого человека, его связи с природой, отношения к ней и т. д.»²

«Изучение мировоззренческих представлений, распространенных у коряков в XIX– начале XX вв., составляют значительную трудность. Во-первых, эти представления слабо изучены; во-вторых, в них наблюдается противоречивость, которую часто сложно объяснить.

Почти единственной работой, специально рассматривающей мировоззренческие вопросы, является монография В. Иохельсона «Коряки». ³

В советское время религиозные верования этого народа изучал известный этнограф и лингвист С. Н. Стебницкий. ⁴

«На палеоазиатских языках чукотско-камчатской группы говорят малые народности, составляющие основное коренное население Чукотки и Камчатки, а также северо-восточной окраины Колымы. Общее число носителей этих языков – около 23 тысячи». ⁵

«Спесь, гордость и хвастовство оленных коряков усиливается еще и тем, что оседлые коряки их боятся, оказывая всяческое уважение даже пастуху... Не слышал я и о таких случаях, когда бы оседлые коряки убили оленного... И все это кажется тем удивительнее, что оседлые коряки гораздо сильнее и отважнее оленных». ⁶

Последнее объясняется тем, что оленя, северного домашнего, коряки, аляutorцы, чукчи традиционно почитают как святое животное, как, к примеру, почитают корову индийцы. Это естественно, так как олень искони коряков, аляutorцев и чукчей кормит, одевает, отапливает, обеспечивает собой транспорт и жилище. Олень же служит и предметом всевозможных религиозных ритуалов, то есть жертвенным животным. Так, по приезду издалека какого-нибудь родственника аляutorцы ознаменовывали этот приезд тем, что обязательно забивали оленя, чтобы приезд родственника оказался благополучным, чтобы злые духи, кои следом или вместе с ним пришли к родному дому, очагу, подобрели, чтобы эти злые духи не причинили порчи или что-то другое домашним, родителям, родственникам и другим. Кроме того, оленные коряки, аляutorцы никоим образом никогда не позволяли в нерыбный год, в безрыбицу жить впроголодь оседлым соплеменникам, как правило, родственникам и иным. В неблагоприятное время для оседлых коряков-нымыланов оленные коряки, аляutorцы, чукчи организовывали специальный убой (забой) оленей, чтобы прокормить прибрежных соплеменников. Оседлые коряки, аляutorцы, чукчи, ительмены питались исключительно тем, что охотились на морских, сухопутных зверей, ловили рыбу, потому пища их летала, плавала в реках, морях, озерах и океане. Выходит, прибрежные аборигены Камчатки практически полностью были зависимы от флоры и фауны суровой северной природы все двенадцать месяцев в году или шесть времен года: зимой, временем между зимой и весной (кэткэт, что буквально означает «трудно»), весной, летом, осенью (гэтган – «шнарнар») и временем

года между осенью и зимой (гатган – «шерстянка»). Конечно, прибрежные коряки запасали впрок и рыбу, и нерпичье, медвежье, китовое и другое мясо, яйца всевозможных птиц, всевозможные корнеплоды, ягоду, травы благородные, шишки и прочее.

«Но при таком богатстве коряки настолько скупы, что даже для себя жалеют резать оленя, довольствуясь лесным зверем и мертвечиной, которых бывает множество и даже с излишком. Они не стыдятся рассказывать случайным гостям, что у них нечем угощать, ибо, к несчастью, нет сдохших оленей, и волки ни одного не зарезали. Для других же они убивают оленей, и только в это время сами и наедаются досыта».⁷

«В 1739 г. в Нижнешантальском остроге я встречал известного укинского шамана – Карымляга, которого не только камчадалы, но и казаки считали великим искусником, вследствие того, что он колет себя ножом в живот и пьет собственную кровь. Однако все это представление было не более, чем грубым обманом, который мог бы заметить всякий не ослепленный суеверием человек: сначала он, стоя на коленях, бил в бубен, после того колот себя в живот и затем выгаскивал из-под шубы в пригоршне кровь и ел, облизывая пальцы».⁸

«Коряки не знают вежливости в обращении. Приехавших в гости они не встречают, но поступают так, как если бы они были большими господами, а гости – их подчиненными».⁹

Оседлые коряки с.Каменского, например, представляют себе, что есть главный хозяин, «бог», который находится, как они говорят, «там», указывая рукой вверх. У этого главного бога, называемого по-коряцки Яхытнын, есть два помощника: первый море, которое они представляют себе как кормильца и называют Анакан – мама, и второй – огонь – Мельгы́н. Коряки, живущие по реке Авеково, говорят, что есть бог, которого они не знают, у кого несколько помощников: огонь, море, луна и др.

Легенда о сотворении мира говорит, что главный бог для сотворения земли и коряков послал своего помощника по имени Хуйкинеху, у которого была жена Митты и сын Эмэмхут. Этот Хуйкинеху, враг русских, не желая жить вместе с ними, ушел от коряков при первом появлении русских. По его учению, земля растет; уходя от коряков, Хуйкинеху сказал им, что вернется тогда, когда земля настолько вырастет, что совсем сокроет убитого им и поставленного вертикально кита и последнего будет видно не более, как на одну

ручную четверть. Ненависть Хуйкинеху к русским настолько велика, что если его место пребывания будет открыто последними, он – «великан» – перевернет землю. По понятиям авеков, добро – это бог «Чахэчгын», зло – это черт, «Тынэ Нъюлтанолан». Черт заставляет людей делать зло. Загробная жизнь ими представляется продолжением земной; тому, кто не делал зла на земле, будет в загробной жизни хорошо, кто делал зло, – будет жить там плохо, причем, эта плохая жизнь будет вечная и сам человек прекратить ее не в силах: «захочет утопиться, не утопится, захочет зарезаться, не сможет».¹⁰

«Отмечается обожествление некоторыми туземцами кита, медведя, волка и других зверей».¹¹ «В процессе охоты следят за приметами: например, как кит посмотрит, как повернется; приметам придают известные значения, определяют по ним, хочет ли кит умирать и если нет, по их мнению, коряки не считают нужным охотиться за ним, т.е. «все равно не убьешь». То же самое относится к медведю».¹²

«Отдельные скалы... небольшие площадки тундры обожествляются коряками, они называют их «аппапелями»... Некоторые коряки (авековцы) ... уверяют, что это название дали камчадалы, коряцкое же название «нутэлэн». Верхняя часть закруглена, имеется шейка, таким образом, образуется как бы человек. В этой доске много дыр... Эта доска, при помощи которой и деревянного сверла добывался огонь в те времена, отсюда и произошло обожествление».¹³

«Коряки бережно относились к природным богатствам. Добывали только необходимое, очень экономно расходовали топливо. Нравственный кодекс пеших коряков, – писал Н. В. Слюнин, – учит, что они должны жить мирно, не причиняя мук не только людям, но и скоту, которого без особой нужды не следует убивать, иначе духи этих обиженных будут мешать переселиться в уготовленный покой...».¹⁴

Мировоззрение коряков представляет собой сложный сплав из положительных знаний и иррациональных представлений об окружающем мире. Познание его шло на сенсорном уровне: все осматривалось, ощупывалось, пробовалось на вкус, затем строились логические связи. Так возникли зачатки научных знаний... На основе практического освоения действительности, осмысления и домьсливания сложилась определенная система взглядов, которая нашла отражение в картине мира коряков, в их видении Вселенной. «Корякская картина мира довольно расплывчата. Коряки насчитывают

пять миров: землю, населенную людьми, два мира над ней и два внизу. Нижний из верхних миров населен людьми-облаками, в то время, как верхний – обиталище Верховного божества. Из подземных миров верхний населен кэле – злокозненными духами, а нижний – занят тенями мертвых.»¹⁵ Существуют и другие мнения коряков о природе и структуре Вселенной.

«В каждом неодушевленном предмете, по мнению коряков, затаилась жизненная сила, она как бы законсервирована. С помощью заклинания человек может воздействовать на эту скрытую силу, направить ее в определенное русло. Мир, по представлениям коряков, населен как благожелательными, так и вредоносными духами (калак, камак, и нинви)... Мифы полны таких эпизодов. Звери сбрасывают шкуру, становятся людьми, облако превращается в человека-облако. Человек мог изменить свой облик, обернувшись зверем. Одев женскую одежду, мужчина становится женщиной и т. п.»

Там же: «Из всех, благорасположенных к человеку сверхъестественных существ, наиболее важным является Создатель. Коряки верили, что Вселенная сотворена некой божественной силой. Она отражена в мифах в образе аморфной фигуры Создателя, вялого, недоступного человеку существа, находящегося на небесах и мало интересовавшегося земными делами, лишь изредка помогающего человеку. Эта божественная сила выполняет главным образом две функции: следит за порядком в мире и заботится о продолжении жизни на земле». Отношение коряков к Создателю, по свидетельству В. Иохельсона, основано «скорее на чувстве благодарности и желания сохранить его доброе отношение, чем на страхе. Благодарность выражается в жертвоприношениях».¹⁶

Посредником между божественной силой, Создателем, и людьми – Большой Ворон Куткийняку (одно из его имен). Он обладает способностью преобразовывать все вокруг, его созидательная сила заключается в открытии вещей, явлений, а не создании чего-либо абсолютно нового. Он может менять форму предметов, некоторых из них он приносит с неба на землю в готовом виде. Большой Ворон считался первым человеком, предком коряков и их защитником. К нему обращались как к могущественному шаману и существу, наделенному сверхъестественной силой. Его непременно упоминали в заклинаниях... Предполагалось, это Большой Ворон присутствует на всех шаманистических церемониях.¹⁷

«Олицетворением зла в природе являются кэле, оленные коряки зовут их «нингвит». Кэле невидимы, при желании могут принять любой образ. Увидеть их может шаман... Коряки различают прибрежных и оленных кэле. Прибрежные держат медведей вместо собак, оленные имеют стада оленей. У коряков существовала вера в предопределенность жизненного пути, судьбу человека... Но фатализма не было, коряк не испытывал чувства подавленности, пассивности. Ведь в его обществе все взаимосвязано, упорядочено: чему следует быть, то и будет. Его дело действовать, а дело судьбы определять его жизнь. И всегда он стремится к цели, надеясь только на себя. В трудную минуту на ход событий можно повлиять с помощью особых сакральных предметов, заклинаний, обращений к духам. В этом помогал шаман. Одна из его главных задач состояла в защите людей от вредоносных духов.»¹⁸

«У коряков существовал семейный и профессиональный шаманизм. Семейный шаманизм связан с домашним очагом. В обязанности шамана входило участие в проведении праздников, обрядов, церемоний жертвоприношений, гадания, борьба со злыми духами, лечение, заклинания, приготовление амулетов».¹⁹

«Заклинания можно знать и не будучи шаманом, заклинания держались в секрете, чтобы не утратили свою силу; они могли быть семейными и индивидуальными и передаваться из поколения в поколение. Дух шамана мог стать видимым для него, приняв образ птицы или животного (волка, медведя, ворона, орла, чайки).»²⁰

23 августа 1989 году в поселке Оссора Карагинского района Чечулина Екатерина Ивановна (1938 года рождения) рассказала:

Жил в поселке Кичига (ныне закрытый в Карагинском районе), затем в поселке Анапка (также ныне закрытый в том же районе Корякского автономного округа) нымылан, оседлый коряк, алуторязычный Пикъя. Этот Пикъя в 1943 году учинил камлание. Шаман, известный далеко в округе, Пикъя во время камлания с помощью корякского бубна пускал свою кровь ножом. Человек, наблюдавший это кровопускание шамана, Г'акалхут, видел, как нож, всаженный в грудь, торчал по рукоять. С ножом в груди шаман Пикъя продолжал камлать. Потом останавливался, говорил слова, комментарии как бы, вынимал нож из груди и острием, лезвием вниз осматривал свой ритуальный нож. Во время камлания, конечно же, шаман пел свою мелодию, играя в бубен. Обычно шаман раздевался по пояс во время камлания. Шаман мог просмотреть жизненный

путь до кончины любого человека. Если нож при рассмотрении оказывался испачканным у кончика, то это означало, по мнению самого шамана, что жизнь у того или иного человека еще длинна, еще долго будет жить, так как нож испачкался «далеко» (эявак). Если же нож пачкался недалеко от рукоятки, то это значило, что тот или иной человек умрет скоро. В 1942 году шаман Пикъя начал «петь» (анантак), мол «хочет помочь нашему народу воевать». Остановив пение, шаман сказал: «Оее, долго будут воевать, я смотрел закат!». Шаман все это делал с ножом в груди по рукоять. Потом он вытащил нож, осмотрел – весь нож в крови. Тогда шаман сказал: «Ох (же), сколько крови прольется! Но скоро закончат воевать, года через 4-5 закончат воевать. Тут (они) закончат воевать» – заключил шаман.

В 1947 году Пикъя вновь пускал свою кровь во время камлания. По рассказу Екатерины Ивановны, племянницы Гакалхыта, очевидицы кровопускательного камлания шамана, он это делал неоднократно, частенько. «Лишь одно прошу, – говорил окружающим, свидетелям кровопускательного камлания, Пикъя – вы только не удивляйтесь и не бойтесь моего ритуала. Иначе мне будет больно всаживать нож и с ним в груди исполнять свой ритуал.»

Подобных вышеописанному магическому, кровопускательному и другим ритуалов в пример привести можно немало, так как прибрежные коряки, алыторцы, в этом весьма преуспели за многие тысячелетия своего существования на Камчатке. Но я приведу еще пример. Та же Екатерина Ивановна, рассказывая о Навъягэвут, жительнице Кичиги, говорила, вот, мол, если бы ты видел камлание Навъягэвут! Она лечила больных мощью своей «второй природы», то есть магической силой (есасгэрна – по-алюторски). Она, шаманка, во время камлания приближалась к больному, и к больному месту «пациентки» касалась ртом и вытягивала своим дыханием болезнь и начинала «жевать» недуг, болезнь, затем «проглатывала» болезнь. Так вот она излечила женщину по имени Мамаклунав, жену Пэккильгэр, хорошо ей знакомых как односельчан. Шаманка вытянула болезнь – в виде черного червя – через макушку головы «пациентки». Червь болезни, мол, был большой. Во время камлания шаманка вызывала зимой с улицы «большие мерзлые копыя», которые, попав в жилище, вбивались в грудь шаманки. Эти копыя, вонзившись в грудь шаманки, начинали дрожать дрезвком точно так же, как гарпун на теле кита или моржа. Эти копыя, – далее рассказывает Екатерина Ивановна, – пускали в грудь ее же шаманские

духи. Потом эти копыя вынимали уже люди, присутствовавшие и поддерживающие ее камлание. После кровавого шаманского ритуала Навъягэвут как ни в чем ни бывало продолжала петь и играть или говорить комментарии тому, что ей духи говорят. Не будь магической силы у шаманки или у Пикъя, утверждает Екатерина Ивановна Чечулина, они с первого раза кровопускания ножом или копьем поубивали бы себя. Это у них, у шаманов, вторая натура участвует в камлании, а не они сами, это их магическая сила «как бы двоит их же самих», – заключила рассказчица.

Далее Екатерина Ивановна продолжала: «Коряки, алюторцы, т.е. восточного побережья Камчатки морские охотники, часто сами в себя стреляли из ружья и ничего ровно с ними не случилось. Так, Навъягэвут была взята в жены белогвардейцем. Русские никак не смогли ее убить ничем: в нее стреляют, а с ней ничего ровно не случается».

Моя дочь Инга, студентка Высшего колледжа в Санкт-Петербурге, рассказывала, что один из монголов говорил с ней, что во времена татаро-монгольского нашествия монголы прибыли на Камчатку с целью захвата их земель, завоевания. Монгол читал у себя на родине первоисточники, по которым узнал о нашествии своих потомков на Камчатку. Там, на Камчатке, монголы встретили людей, которые одеты одинаково все – в меховых рубахах, причем, и мужчины, и женщины имели косы, длинные, черные, как смоль. Монголы стали стрелять из луков в коряков, а стрелы стали возвращаться назад, к монголам. Таким образом, монголы решили, что народ этот, прибрежные коряки, просто непобедим, потому отложили дальнейшее продвижение по Камчатке.

Насчет заговоров несколько слов. Заговоры у коряков и прибрежных коряков, в том числе и у алюторцев, имеют особое значение в жизнедеятельности. Алюторцы, прибрежные коряки, жители восточного побережья Камчатки, не раз демонстрировали свою способность в этом вопросе. Так, мне довелось быть свидетелем интересной, поразившей меня способности женщины, нымыланки из села Култушино. Тетка моей первой жены Марии Ивановны, ныне покойной, Эльвагит Мария Ивановна мне решила как-то показать силу своего заговора. Решила она это сделать на камне. Я согласился. И вот она взяла с улицы первый попавшийся в руки булыжник сероватого цвета овально-выпуклой формы. Она надела кухлянку, накинула на голову капюшон и начала шептаться сама с собой,

закрыв свое лицо и взяв обеими руками булыжник. Так она несколько минут шепталась. Как это обычно бывало, слова этих заговоров понять было невозможно – совершенно непонятные, хотя я говорю на родном алюторском языке сызмальства. Закончив заговор, Мария Ивановна, ныне покойная, пригласила меня на улицу и я последовал за ней. На улице, возле ее дома она сказала: «Вот смотри, кладу этот заговоренный камень вот тут! – и положила булыжник возле самой стенки, за углом входных уличных дверей. – Завтра приходи утром, и мы с тобой увидим, что случилось с камнем».

На следующий день, после утренней разрядки – я тогда работал заведующим Култушинского отделения колхоза им. Горького, я напомнил Марии Ивановне про наше вчерашнее дело. Она ответила, что уже успела позабыть об этом, добавила: «Если этот камень еще живой, тогда мы убедимся»...

Мы вышли на улицу, подошли ко вчерашнему месту. Она сказала: «Смотри!» – и показала на камень. Я глянул и... поразился: от камня почти ничего не осталось, весь потрескался, рассыпался на мелкие кусочки, осколки. Я не поверил своим глазам, взял в руки одну, вторую, третью части бывшего увесистого твердого булыжника. Я решил, что камень кто-то из домашних, может быть она сама, расколол ударом молотка или топора на мелкие части. Внимательно осмотрел все кусочки бывшего булыжника и... никаких признаков удара на частях булыжника не обнаружил. Я оглянулся назад и не увидел возле себя Марии Ивановны.

У коряков в давние времена, у женщин, была привычка заговаривать на расстоянии любимых мужчин с целью выйти замуж, замужества. Этот обычай осуждался. Такой способ выхода замуж весьма опасен для жизни возлюбленных, так как впоследствии один из них, возлюбленных, обязательно умрет. Так вот, моя первая жена Мария Ивановна (я того не замечал) заговорила, оказывается, меня на ней жениться. Об этом мне стало известно лишь после смерти Марии Ивановны от ее двоюродной сестры Ключанав. Последняя и поведала мне о том, что на вопрос ее, как она, Мария Ивановна, завладела мною, та ответила: заговорила Мишу. Двоюродная сестра Ключанав сказала Маше, что так нельзя было поступать с парнем ни в коем случае – кто-то, мол, из вас умрет, погибнет. Маша, как видно, об этом сама знала, поскольку ее мать, моя бывшая теща, была почтенного возраста. Кончился наш брак с Машей тем, что ее не стало в живых, умерла в возрасте тридцати лет, оставив мне двоих дочерей – Ольгу и Ингу – дошкольного возраста.

Еще один пример. Известно, представители восточных рас крепкие алкогольные напитки потребляют стали сравнительно недавно. Так, коряки от русской водки пьянеют бурно. А этот тип людей темпераментом относится, в основном, к сангвиническому, то есть, к сильному, потому в опьянении становится весьма буйным и агрессивным. Так, аллюторцы нередко в опьяневшем состоянии начинают вести себя неугомонно и бурно, начиная выяснять отношения при помощи кулаков, брани.

Ваш покорный слуга в юности испытал и этот этап своего развития жизни. Все неприятности со мной случались именно на почве алкогольных выступлений. Моя покойная теща по первой жене в конце концов меня заговорила от этого недуга. Процедура состояла в том, что она взяла меня за мизинец левой кисти и что-то прошептала как бы про себя. Процесс заговора длился всего-навсего минуту или даже меньше. По натуре своей я впечатлительный и может быть эта особенность моего характера как раз и помогла мне: я всегда почему-то помнил, что я заговоренный, как бы застрахованный от пьяных «возникновений»: при излишнем потреблении алкоголя, в основном русской водки, мне, будучи «совой», всегда хотелось спать, чего со мной никогда до заговора не случалось. Казалось бы, я должен был долго еще бодрствовать даже после изрядной выпивки – ан, нет! При этом становился каким-то безразличным ко всему, что и чего меня окружало, «в хмельном состоянии» по-русски. Иногда даже становилось обидно, что я не мог «по-пьяни» наговориться, выговорить все то, что меня волновало или что должен был сказать участнику застолья, иногда даже «накипевшее». Все кончалось благополучно: «выступления» забывались или просто отменялись.

Мои родители не были официальными шаманами, а являлись домашними шаманами, ананэлтэу. Так, меня моя мама покойная, Ирина Макаровна Попова, всегда поражала своей способностью ясновидения. Как-то раз, это было в году 1955, когда я вернулся из родного поселка, приехал после окончания четвертого класса в селе Анапка. Родители же уехали на весеннюю сельдевую путину на базу, рыбокомбинат Анапкинский, в поселке Ильпырь. Как это бывало обычно, мама повесила на просушку свой, семейный бубен, чтобы звонче и гулко звенел. Мы все, конечно, поняли, что вечером, когда все успокоится и лягут в постели, она будет играть в бубен «серьезно». Такое предварительное намерение матери для нас, детей, всегда было настораживающим и тревожным ожиданием:

мама входила в транс, затем в экстаз и начинала причитать не своим – грозным, то дрожащим, то звериным ревом и тому подобное – голосом, на разных ладах, тональностях петь, причитать, говорить, мотая головой. При этом, взрослые слушатели, как это положено, должны обязательно играющей и певшей во время камлания поддакивать, откликаться, говорить риторические вопросы и так далее. Если камлающего не поддерживают, это считается плохим предзнаменованием: мол, слушатели на стороне злых духов и помогают им молчаливо творить зло.

И вот когда мама, играя на бубне, в состоянии транса, затем экстаза, грозно заговорила и запела не своим естественным голосом, мы, дети, как обычно, слушали, затаив дыхание, не столько от желания ее слушать или испытывать от всего этого удовольствие, а от жуткого страха: камлание всегда проходит с потушенными свечами, в темноте – комнатной или ночной, так как в потемках, оказывается, лучше видеть злых духов, все картины и явления, которые видит, представляет себе воочию камлающий. Затем, в абсолютной темноте яснее видны нинвиту – черти, злые духи. Даже в крошечной темноте камлающий всегда закрывает глаза.

Когда перед началом камлания мама начинала надевать свои магические принадлежности: головной обод, украшенный бисером, бусами, всевозможными висюльками, надевала на левую руку особый наручный амулет-браслет, нам уже тогда становилось боязно: бубен звучал гулко, как бьется о берег скалистый большая волна морская, звонцы так не звонят, напоминая шум морской гальки во время сильного шторма, а как бы хохочут, смеются зловеще, будто бы предсказывая нечто грозное, жуткое, страшное, вроде беды или небывалой утраты, так как серьезная игра на бубне и пение при этом со всеми ритуалами и регалиями камлания, как правило, приходит как тревога, вызванная тревожным состоянием души и сердца шаманки, которую она всегда заранее, днем или за два-три дня до начала камлания чувствует. Это необычное и тревожное состояние души и сердца часто не дает шаманке днями жить, работать нормально. И когда настает час, неумолимое желание серьезной игры на бубне, вот тогда-то начинаются все приготовления к процессу камлания.

Известно, что аlyтoрцы, береговые и оленные, прежде всего своим детям запрещают грустить в тундре или в море: тебя могут «пожалеть ев'асу наталнэгэт» – злые духи, можно таким образом обрести смертельную болезнь, в результате чего может наступить смерть.

Так вот, приехал я к родителям в поселок Ильпирский Корякского автономного округа. Через день после моего приезда мама вдруг вечером молча стала приготавливаться к камланию. Я понял, что предстоит серьезная игра и пение с бубном. И вот, наконец, все в палатке успокоилось, свет был потушен. Мама, как всегда перед началом камлания начала зевать, поправлять все на бубне, обод на голове, амулет-браслет на руке. После этого ритуала начала потряхивать бубенцами, потрясая бубном, только за всеми этими вступлениями начала тихонько петь, как будто издали слышалось ее тихое и мелодичное пение. Наконец ее голос стал твердеть, как бы обретая уверенность. Здесь я должен покамест остановить ход начала серьезной игры на бубне покойной матери.

Желание серьезного камлания у шаманок приходит не по воле самой или по просьбе кого-то другого, родственника, гостя. Нет, то особое состояние души и сердца шаманки, которое приходит как бы помимо ее воли. Это желание обычно вызывается какой-то бедой, горем, которые необходимо предсказать, предвидеть, упредить. Если все это неотвратимо и непоправимо, то следует хотя бы сделать так, чтобы оно, все это, стало явью и очевидным. Способность человека к предвидению, предчувствию, ясновидению – это особый дар, так как не каждый был на это способен, не каждый алуторец или коряк могут быть шаманами. И невозможно заставить, попросить специально пошаманить подобного человека по какому-то случаю. Нет, это желание приходит независимо от воли или желания самой шаманки, оно как бы объективно, диктуемое внутренней особой натурой шаманки, и эта натура, вторая, именно живет внутри человека. Ведь практически каждый человек так или иначе всегда предчувствует свою естественную смерть. Это предчувствие, дар предвидения у каждого человека развит по-разному – у одних слабо, у вторых явно, а у третьих в сильной степени. Такие способности родители, старшие в семье алуторцев – обычно таковыми являлись дедушки или бабушки, а то и сами шаманы – замечали с раннего детства в своих детях. Такой дар есасгэрнэн умудренные опытом жизни старейшины старались развивать, нарочито в своем кругу подчеркивать, говоря: «Ну, он самый, наш папа, прежним вернулся к своим детям». Этим самым родители отмечали то, что ребенок был назван именем покойного отца родителей, то есть дедушки или прадеда дитя и что тот, в честь кого был назван этот сын или дочь, в бытность свою был природой и Богом одарен именно качествами

ясновидения, провидца. И, конечно же, для одаренного необычными способностями ребенка с малолетства создавали все необходимые условия, чтобы эти качества развивались у дитя.

Прежде всего он должен был унаследовать мелодии дедушки или прадеда, чье имя теперь носит этот одаренный ребенок. Причем, мелодии, песни оленеводов разные по назначению: рабочие или для езды на оленьей упряжке или собачьей упряжке, когда каюр или оленевод едет долго по бескрайнему простору тундры, трассе.

Мелодии, песни бывают и мухоморные, когда человек, приняв порцию мухомора, яснее и отчетливее начинает соображать, чем обычно, но все время находится во власти голоса и воли Мухомора: что скажет Мухомор, то и делает человек, принявший этот напиток или порцию этого необычного гриба. Мухомор всегда придает великую Физическую силу человеку по время его процесса действия на принявшего его внутрь организма. К примеру, в 1982 году, будучи в командировке в поселке Ачайваям Олюторского района Корякского автономного округа Камчатской области, мне довелось быть в гостях в доме Гидани, известного оленевода совхоза «50 лет Октября» (оленесовхоз назван в честь пятидесятилетия Великой Октябрьской социалистической революции в 1917 году). Тогда еще здравствовал СССР под руководством Коммунистической партии. Во время беседы с Марией, женой оленевода Гидани, я узнал, какова сила Мухомора камчатского. Так вот, Мария рассказывает, что несколько лет назад во время летовки (летнего нагула оленей, когда приходится в жару, зной, дождь, морось непрерывно кочевать по летним маршрутам, меняя пастбища, чтобы олени не испытывали недостатка в корме) оленеводы изматывались, поскольку они на своих плечах перемещали большие тяжести: палатки, шкуры, матрацы, утварь, пищу и т.д. Жара, комары, болота, узкие тропинки, подъемы, спуски бесконечные отнимали много физических и духовных сил. И вот на «перекуре» самый старший из мужчин (не помню его имени) сказал: «Вооон! Видите сопочку? Вот придем туда и мы отдохнем» – указал рукой старик на сопку, синеющую в километрах десяти-пятнадцати впереди. Вот, наконец, и поднялись на сопку. Сбросили ноши, прилегли, положив отекавшие головы на свои же великие ноши заплечные. Развели костер, закипел чай. Вдруг откуда ни возьмись явился старик и положил возле костра дюжину мухоморов и сказал: «Вот это нам поможет». Усталые люди приняли всухомять по несколько мухоморов, запив холодной водой. Поели, чаевать не стали. Когда мухомор вступил

в силу, в свои «права», тот же старик сказал: «Ну, теперь пора в путь». Вставая на ноги, люди не почувствовали не только никакой абсолютно усталости, а и самой земли, почвы под своими ногами. А тяжелые ноши? Их просто не почувствовали, вскинув как тряпицу на плечи. Двинулись. Шли люди как бы не по земле, а по воздуху, как обычно при этом сами люди под «мухой» говорят, – «по -мягкому ягелю». За веселыми разговорами они не заметили, как дошли до места кочевья. И никто не устал, даже не упомянул о тяжести своей ноши, трудной дороге, комарах, поте, что лился ручьем с их лиц, тела. А просто говорили совсем о других делах: вспоминали давние времена, времена предков, как те так же, как сейчас они, когда хаживали вот по этой вот тропинке с такими же тяжелыми ношами и в такую же жару. Или просто рассказывали друг другу смешные и забавные случаи. Некоторые пели песни. Это вот про мухоморную песню и о том, как «достаёт мухомор» человека тундры, оленевода.

Еще пример, один оленевод из русских некогда работал вместе с коряками-оленеводами в табуне. Русский всегда смеялся над «подмухоморными» оленеводами из аборигенов, так как в состоянии мухоморного допинга или опьянения человек не способен отказать никак приказам и повелениям мухомора, который, как наяву, говорит человеку, принявшему его во внутрь. Я не буду описывать здесь попутно, что же часто или иногда велит делать мухомор. То совсем другой процесс и другой предмет описания, причем сложный и многогранный. Так, в конце концов коряки предложили русскому оленеводу принять мухомор. После недолгого колебания тот принял мухомор. И когда мухомор стал «доставать, настигать» русского человека, так тот стал вести себя странно (по его понятиям). И вот мухомор говорит ему: «лай по-собачьи, но сначала стань на четвереньки, как собака, и лай!». Русский человек встал на четвереньки и стал натурально лаять по-собачьи. Мухомор ему же говорит: рычи, как волк. Он и рычит по-волчьи. Потом мухомор далее повелевает: ложись на живот! На землю ложись, на живот и грызи землю зубами! – Тот ложится наземь и грызет натуральным образом почву земли, отрывая куски дерна и травы с землею. Таким вот образом долго показывал «концерт» тот русский оленевод до тех пор, пока не прошло действие мухомора, поскольку мухомор ему сказал, что он уже устал и пора ему уснуть тут же, где лежит, то есть прямо на воле, вне палатки. Утром, когда проснулся тот русский оленевод, очень возмутился, сказал, что он теперь никогда не будет смеяться

над людьми «под мухомором», что бы те ни делали. Он все в точности рассказал, без единой «помарки», все, что повелевал ему мухомор, так как был при этом под «мухой» в полном сознании и здравии. Только одно ему понравилось – слишком уж приятно было витать в небесах, вне живой действительности, «как на ковре-самолете полетал».

Вернусь к тому, как мама начала камлать, когда ее голос во время пения и игры на бубне постепенно набирал силу. Вот она оставила пение и игру на бубне, окружающие, присутствующие, как это обычно положено, стали ее подбадривать, чтобы она во чтобы то ни стало «пробилась через завесу злых духов», которые не пускали ее «есасгэрнэн», то есть до такого состояния, когда камлающий доходит до транса, как это бывает с пациентом под воздействием экстрасенса. Окружающие неустанно поддерживают ее: «Энану, нэтгивъя!» – «Ну же, понастойчивее, тверже держи себя!». А мама речитативом припевает: «О-ееее! Аааа!» – протяжно, каким-то надломанным голо-сом, «дрожанием всего организма» тянет, оставив покамест игру на бубне. Вот она «удваивает дыхание», закурив папиросу, специально для такого случая далеко припрятанную. Мать вообще никогда не курила, то есть была некурящей. Но всегда в этот момент, вернее, в подобных запинках при камлании доставала из мешочка, только ей известного, папироску и закуривала, говоря дрожащим голосом: «Оеее! Никак не могу пробить завесу злых духов! Аааа!» – как бы жалобно причитала мама. Здесь она начинала молиться Богу Анану, приговаривая: «Итэнвэлъигэт, кинагитаткэн! Евасу киналнэги. Палля амкэка унюнюн малькит тэнтэнанна!». «Хозяин жизни, взгляни на меня! Пожалей меня. Ведь знаешь, скольких многих детей я кое-как подняла на ноги!».

Затем мама продолжала петь и играть на бубне. Ее голос тверже стал, бубен стал звенеть громче, гул инструмента стал звонче, звонцы так и хохотали, словно призывали хозяйку и далее играть и петь – камлать. И вот, наконец, мама входит в транс, поет уже во всю мощь своего голоса. Вдруг мама стала громко причитать не своим голосом, как бы изображая жуть, дрожь при стуже – то на нее воздействуют злые духи. Часто-часто бьет по бубну, словно отбивая какую-то жуткую дрожь, картину, отчего самой становится не по себе. Здесь, на этом моменте мама снова останавливает пение и игру на бубне, снова с дрожанием жалобно причитает: «Оеее! Аааа!».

Снова вскидывает бубен, причитая уже совсем другим голосом и тоном: «Гаг'а-г'а - г'а! Гэммигэм-ки! Сумирнавэтыгэм! Г'-а-г'а! Г'а-г'а - г'а! Тургинэгэм-ки есасгэрнигэм! Г' а - г'а - г'а! Аа - аа - аа! Это же я! Сумирнаут! Аа - аа - аа! Это же я! Ваша магическая сила, ваш дух-хранитель! Аа - аа - аа!»

Я снова должен покамест оставить маму, играющую на бубне при ее камлании, которое много раз видел и слышал. И это камлание меня уносит в далекое родное детство, в ушедшие давно юношеские годы... В 1975 году умерла она, моя мама, с которой был насильственно разлучен еще в 1955 году, когда нас, двенадцатилетних детей увезли за двести пятьдесят километров от родного поселка в районный центр учиться в пятые и другие классы, так как в Анапке, где провел детство, школа была только четырехлетка. В райцентре, Оссоре Карагинского района Корякского автономного округа, поселили нас в интернате, то есть в казенном детском учреждении, куда были привезены учащиеся разных классов со всех поселков района, административной территории, провинции. И с тех пор я уже в родном доме подолгу и систематически не проживал, лишь во время каникул, летом, мы приезжали домой, к родителям. А к первому сентября, началу учебного года, мы снова уезжали учиться в средние школы. Мне уже сейчас идет пятьдесят шестой год, но тоска по матери, уже покойной, до сих пор жива, и эта тоска по матери и родному поселку, местам родимым уже вряд ли когда угаснет – слишком глубоки раны, которые были нанесены в детских и юношеских наших душах. Мы не в полной мере испытали заботу и ласку своих родителей, как аллюторцы, морские охотники говорят о детенышах лахтаков и нерпы, которые один раз или два вскармливают своих новорожденных детей, после чего они разлучаются, как правило, по самым разным причинам. Вот и мы вроде тех лахтачат и нерпят, что были рано отлучены от матерей, не дососав теплую и милую материнскую грудь.

Проживая в интернате, мы, анапкинцы, мальчики и девочки, учащиеся пятых и шестых классов, так сильно скучали по дому и родителям, что специально плохо учились, устраивали соревнования по тому, кто сколько двоек, неудовлетворительных оценок по всем предметам получит, тот и победитель, которому присваивался какой-нибудь приз. Самым желанным призом для всех нас был кусок юколы, то есть вяленой рыбы: в интернате мы ели исключительно неродную пищу – гречневую кашу, супы, щи, повидло по утрам, масло

сливочное и тому подобное. Никакой родной этнической пищи – рыбу, оленину вареную, соленую или вяленую рыбу, нерпичье мясо и прочее, на чем мы, коряки и алюторцы, выросли, мы в интернате не получали. И мы во что бы то ни стало много раз пытались уехать в Анапку, родной поселок: то на катера просились, то пешком вокруг бухты Оссорской по осени пытались бежать. Но каждый раз у нас ничего не получалось. Для нас самым печальным было то, когда из Оссоры в поселок Ильпырь отъезжал последний за навигацию катер с плашкоутом, груженным картофелем и капустой. Тогда с конференции уезжала домой наша учительница Галина Николаевна Дурова. Она, конечно, нас не брала домой, боясь получить наказание от начальства районного отдела образования, да и нарушать закон об образовании самой же учительнице, работнику системы народного образования, было никак нельзя.

Не знаю, как другие скучали по дому и своим родителям, хотя и они никогда не прекращали разговоры о поездке домой, но я так любил свою маму, сестер, младших братьев, что вспоминать без волнения никогда не мог. Вещи и незначительные поделки, подаренные мне матерью на дорогу, я лелеял, как драгоценность и святость в течение всего учебного года.

Надо сказать, что Галина Николаевна все же взяла грех на себя: увезла с собой в Анапку одну из своих учениц, Глашу Чечулину, так как та считалась уже великим переростком для пятого класса. По весне, первым катером уехал до Ильпыря Максим Уваров с Рогожниковым Генной, русским парнем, нашим земляком, который так же, как и мы в течение всего учебного года скучал по дому, и они с Максимом вдвоем уехали в начале мая домой, не докончив учебный год.

Я снова вернусь к маме, которая камлает. Ирина Макаровна, то есть моя мама, продолжала пение и игру на бубне. Вдруг она бросила играть на бубне, стала сильно мотать головой в стороны и кричать, вернее, рычать каким-то звериным голосом. Это означало, что она вошла в экстаз, магическая сила ею полностью овладела. Так же неожиданно понизила несвойственный и жуткий рев, снова стала причитать. Но ясно было, что Ирина Макаровна камлание свое завершала. И вот она, как я и предполагал, стала рассказывать: «Вот я вижу тебя у высокого одиночного утеса, вернее, на сопке, что выступает к морю. Смотри, вот ты, это ты же! Ты грустишь и плохие у тебя мысли в голове! Оеее! Кррр! Ты с грустью смотришь то в море, то в тундру... Один стоишь и грустишь!».

Мама умолкла на минуту, продолжая качаться, сидя на месте, то влево то вправо. «В ту минуту я была с тобой, мой сын... Не я сама, моя вторая натура, дух мой в образе Сумирнаут... Как хорошо, что она, Сумирнаут, вовремя там оказалась! Она знала, видела тебя! Она же Хранитель нашего очага, благополучия, семьи нашей. Мы ее дети...». Мама еще раз перекрестилась и продолжила: «На том месте, где ты плохие мысли себе в голову допустил, неподалеку от этого места был сожжен, подвергнут кремации человек, умерший от плохой болезни. Его дух чуть было не пожалел тебя, не прибрал в свои руки... Никогда не допускай плохих мыслей в тундре, тем более в море. Это очень опасно, сынок...».

Постепенно мама стала успокаиваться, уже тише стала бить в бубен, пение ее принимало ровный и мелодичный тон. Теперь она выявила злого духа, сидящего во мне с тех пор; осталось ей предать проклятию злой дух и «прогнать восвояси, на свое место». И мама несколько раз, грозно произнесла в адрес злого того духа: «Пе! Пей!» Вон! Воон!».

На этот раз не случилось так, как бывало – мама не набросилась на меня, и не стала меня теревить, ревя не своим голосом. Так бывает при серьезных поползновениях злых духов, когда уже действия нечистых заходили далеко, потому после выявления их деяний необходимо было обращаться к святым местам и своим покровителям вроде нашей Сумирнаут с жертвоприношением: надо было убивать собаку или изготавливать из травы осоки бутафорскую собаку, образ, намазывать ее живой кровью и «резать», отсылая ее тем всемогущим покровителям, дабы те отвели беду от пострадавшего. Этого момента мы, дети, всегда очень боялись, так как эта напасть со стороны камлающего всегда жутка: из тебя будто бы вышибается дух вон из тела, становишься как бы сам не свой на некоторое время, а то и теряешь сознание. Это бывало так, когда наша мама входила в экстаз, начинала орать-реветь как бы звериным голосом, часто-часто била в бубен, отбивая дробь. Затем бросала в сторону бубен и набрасывалась на того, в кого вселился злой дух. А присутствующие обычно все поддакивали камлающей, поощряя действия мамы. Как говорится, на этот раз я отделался легким испугом.

Одна из моих родственниц Етнеут Мария Ивановна могла своей магической силой свободно пригонять или отгонять оленетабун совхоза «Паланский», где работал директором покойный Кававтагин Андрей Николаевич. Делала она, Мария Ивановна, это так: над своей

головой делала пальцами рук манипуляции, при этом проговаривала никому не понятные слова, сидя в меховой палатке. Велико было удивление оленеводов – табун оставался без присмотра, – когда через определенное время оленетабун совсем близко сам по себе подходил к дому. Точно так же затем, через некоторое время Мария Ивановна отгоняла животных подальше от людей.

Та же моя покойная мама где-то в 1951-1952 годах во время камлания предсказывала, что вот-вот кто-то из анапкинцев в тундре замерзнет. Кроме того, она же воочию видела второго, мол, русского человека вместе с тем алыторцем, который де также вот мерзнет. Во время камлания мама сильно подвергала охлаждению свой организм, так, что бедная дрожала всем телом, стуча зубами о зубы. Все это она сопровождала дрожью в голосе, говоря: «Пррр! Ууу! Как холодно! Ой, замерзаю! Пррр!»

Через буквально три-четыре дня Волков Спиридон вместе с его пассажиром Китрисом (имя его не помню), секретарем Карагинского райкома КПСС, замерзли. Вернее, было так: секретаря райкома нашли на нарте, в меховом спальном мешке замерзшего, самого же каюра так и не нашли. Судьба Спиридона Николаевича, одного из лучших каюров, ездока на собачьей упряжке, неясна по сей день.

В одном из мифов алыторцев говорится, что Хуткиняху, собравшись в дорогу, на охоту в море, никак не смог отправиться на байдаре, вернее на одноместной байдаре (известно, бывают байдары и пятнадцати – двадцатиместные). У Великого Ворона то весло вдруг пропадет из-под носа, то гарпун вдруг поломается в его руках, то байдару, столкнутую в море, вдруг назад на берег ни с того, ни с сего выкинет, хотя на море тишь. Тогда Великий Ворон, оставив свои сборы, вернулся в свою землянку. По дороге он сказал себе: «Поди, это опять папа надо мной шутики шутит». Своего сына Амамхута Великий Ворон всегда называл «папой», так как был назван тот именем покойного отца Великого Ворона, то есть Амамхутом. Придя домой, он сказал сыну: «Пап, отпусти меня на охоту, ведь день жаль пропадет зря». Тогда Амамхут оставил свои шутики над отцом. Вернувшись к берегу моря, Великий Ворон увидел, что его байдара в воде, все погружено, весло, цельное двухлопастное, так же было у же на байдаре. Ворону осталось сесть в байдару и выйти в море.

Попов Иван Иннокентьевич, 1910 года рождения, родом из села Кичиги Карагинского района, мой покойный отец, мне не раз

рассказывал легенду, что жил Гол-Голод, у него не было семьи, не имел ничего лишнего, кроме личной одежды. Даже второй кухлянки, мехового платья также не оказывалось никогда. Он никогда ничего не брал ни у кого тайком и никогда ничего не брал да и не просил. В жизни ничего не взял и никого не обидел, даже травинку. И вот Гол-Голод состарился и сказал перед смертью родственникам: «Вы меня не кремируйте, не сжигайте мой труп, когда умру. Вы меня похороните. Ровно через год меня откопайте. Вы увидите, что я как был целым и невредимым телом, так и останусь в могиле». Только мизинец левой кисти окажется сгнившим. Это окажется из-за того, что я однажды совершил грех: гуляя, я тайком, не спросив у хозяина, подобрал хворостинку с чужого двора. Вот за это-то меня Всевышний, Анан, и накажет. Гол-Голод умер. Его тело похоронили так, как покойный просил. Прошел год. Родственники его откопали из могилы, исполнив последнюю просьбу своего покойного родственника. Что же оказалось! Труп Гол-Голода оказался совершенно чистым, свежим, будто человек не умер год назад и не пролежал столько времени в могиле, а человек только уснул, или лег вздремнуть. Им казалось, что покойный вздохнул и открыл глаза. Но этого в действительности не было. Тем не менее труп осмотрели полностью, согласно просьбе усопшего. Никаких следов порчи не было обнаружено. И только мизинец левой кисти руки, действительно, подгнил и издавал запах. Все остальное оказалось так, как сказал перед кончиной Гол-Голод.

Покойная Тынакъяв Татьяна Ивановна, по прозвищу Красная бабушка, мне рассказывала в 1989 году в поселке Тымлат Карагинского района Корякского автономного округа, что севернее поселка Рекинники они с семьей и родственниками в летнюю жару остановились на привал. Стали ужин варить, другие палатку разбивать, третьи ушли за дровами, женщины начали готовиться варить ужин. Оказалось, что поблизости нет никакого источника воды, все речушки пересохли до дна, до озер подниматься по скалистым и высоким утесам и горам не решались. Тогда одна из старых по возрасту женщин решила снабдить водой людей. Она же и развела костер и начала делать заговор, подбрасывая в костер кусочки заячьего меха. Таким образом та старая женщина через костер стала просить здешних святых, волшебные места о том, чтобы те святые и волшебные, тотемные места ниспослали им, людям, воды. Закончив волшебный ритуал, женщина сказала, что придется потерпеть до утра. Утром

женщина сказала, что первая она должна выйти на волю из палатки. Так и поступили. Через некоторое время, буквально минут через три-пять сказала людям: «Теперь-то выходите все.» Люди вышли из палатки и увидели сплошной ледяной покров по руслу высохшей за лето речки.

Татьяна Ивановна тогда мне сказала, закончив рассказ об этом чудотворении, что я, мол, могу удостовериться у очевидцев такого небывалого случая. Назвала лишь одно имя женщины, которая и поныне жива в поселке Тымлат. Я, конечно, не верил рассказу Татьяны Ивановны Тынакъяв. И она сказала, что если бы она сама не напилась чая и не поела бы вареной рыбы, сваренной из той воды, то так же, как я, не поверила бы никому другому, кто бы той сказки ни рассказал бы. Интересно, что перед уходом в дальнейшую дорогу, снежный ледяной покров так же исчез быстро, по всему ущелью речушки, как и появился.

В одной из легенд, рассказанной мне Притчиной Марией Инно-кентьевной, 1918 года рождения, жительницей поселка Ильпырь, говорится про Кипальгуль'н²¹ (на алюторской графике Кипалгулэн) – Глубокий полусон или Глубокая полуявь, вернее, Глубокий полусон, Глубокая полуявь (от алюторского языка: Кипа – лагу – лъэн, где Кипа – основа слова кипатэк – углубиться, лэгу – основа слова лэгукки – впасть в полусон, полуявь, лэн – суффикс со значением обладающий, находящийся). Так вот, этот Кипалгуль'н обладал величайшей способностью прозорливости, ясновидения, мог видеть или предвидеть будущее. У него был сын Тнасъ'н Растение. У Тнасъ'н был сын Санг'а. Санг'а убил черта, то есть злого духа, потому на него черти, злые духи рассердились. Поэтому куда бы он ни прибыл, так тотчас же принимался играть на бубне и петь песни, то есть начинал камлать как шаман. В конце концов Санг'а Грязь был убит злыми духами. Санг'а же был рожден матерью-чертом. Эту женщину-черта никогда семья ее же не видела. Большое дыхание Мэнав'йи лишь один раз видел Санг'у. Кстати, моего отца звали именно Большое дыхание Мэнав'йи, который был назван в честь того Большого дыхания, лишь раз видевшего Санг'у.

Вначале Кипальгуль'н два года лежал в тундре, находясь в состоянии полусна, полуяви, как бы в летаргии, в поисках земли без злых духов, чертей, которая была бы похожа на замшу из дыmlенной шкуры. Наконец он, Кипальгуль'н, нашел землю на Полярной звезде, землю без злых духов, чертей, где никогда не водились

всевозможные болезни. Тогда он сказал своему сыну Растению Тнасъу: «Давай полетим на ту землю». Растение Тнасъ'н же сказал: «Покамест я еще год проживу на этой земле, только тогда полечу туда». Отец ему сказал: «Без меня ты никуда не сумеешь улететь, никуда ты не денешься». Тогда Тнасъ'н сказал: «Нечего делать, легко! Уж если ты улетишь, вверх уйдешь, то я подавно. Потому что я сильнее тебя волшебством». Отец сказал: «Может только ты один и улетишь. Твои же люди, батраки, никак не смогут под-няться вверх к той земле». Сын же сказал: «Пока ты свой народ, своих людей подними, иди вперед меня». Оленетабун разделили напополам.

«Через год придет известие, сигнал того, что я уже на месте, на Светлой звезде, на Полярной. Это будет сигналом того, что вам пора тоже подниматься», – сказал сыну Кипальгуль'н.

Кипальгуль'н развел огромный костер. И с дымом он улетел вверх вместе со своими многочисленными людьми и оленетабуном, имуществом.

Через год действительно пришел сигнал, что пора всем людям и Тнасъу подниматься в небо, на Светлую звезду. Тнасъ'н тоже развел огромный костер. Только вот один он и поднимается в небо, а его люди, оленетабун вокруг кострища кружат, улететь же не могут никак. В конце концов Тнасъ'н вернулся, отложил свой подъем в космос.

В другой раз Кипальгуль'н сказал: «Когда моя звезда, Полярная, начнет дымиться, это будет сигналом того, что жизнь на земле портится». Тогда Кипальгуль'н убил поводную собаку Тнасъ'н. Тогда Кипальгуль'н жил вместе со всеми людьми на земле. Он убил ту собаку для того, чтобы выпросить у волшебных, священных земель хорошую жизнь. Тнасъ'н пришел домой и сказал: «А где моя поводная собака?»

Кипальгуль'н ему сказал: «Мы ее священным волшебным местам отдали». Тогда Тнасъ'н сказал: «Я верну ее». Отец сказал: «Нет. Потому что мы ее давно убили, черви ее поели, лишь скелет один валяется на том месте, где мы ее убили». Тнасъ'н пошел к священному волшебному месту. Смотрит, один скелет лежит на земле. Тнасъ'н пнул этот скелет своей собаки. Вдруг собака, виляя хвостом, стала спускаться вниз с волшебной священной горы. Тогда отец сказал: «Оказывается, достаточно сын волшебный».

У Тнасъ'н первый сын был рожден человеческой женой. Который из детей умрет, так Тнасъ'н тотчас же возвращал его к жизни,

настолько он сильно любил дитя. Если дитя вновь умирало, тогда он иногда в большом котле его кипятил, видя, что у дитя кровь остается лишь на мизинце кисти руки. В конце концов один из сыновей вот так вот умер, потому что дыхание кончилось. Лишь один Кипальтгуль'н сам нашим, человеческим мясом (телом) поднялся. Поэтому та светлая звезда так называется: Кипальтгуль'н.

У аллюторцев есть обычай иметь амулеты, причем бывают амулеты семейные и личные. Амулеты, практически напоминают идолки. Они делаются обычно из дерева, кости, рога. Это грубо обтесанный в форме человечка идолок. Интересен обычай заводить амулеты по везению, «ниспосланию Хозяина», то есть Бога, вернее, всевышнего существа, охраняющего благополучие всего рода человеческого. И если человек нашел камень, кость и из другого материала нечто, напоминающее форму человека, зверя, птицы и тому подобное в реке, на отмели моря или просто на земле, то он, человек, обязательно должен подобрать этот материал, поскольку это и есть прообраз готового амулета, посланного Хозяином. Человек, нашедший такую форму, может подправить эту форму так, как того желает сама форма, природная: то это напоминает или походит на зверя, птицу и тому подобное. Мимо такой находки проходить считается грехом и означает – пройти мимо своего хранителя благополучия. Как только человек «отесал» форму по подобию природного образа так, что ясно отчетливо напоминает определенный образ, то его заговаривают. Заговаривают обычно в духе того, чтобы новоиспеченный амулет стал хранителем семейного благополучия. Таким образом, обычный природный материал, созданный образ возводится в ранг идолка, божка. Тогда его помазывают кровью оленя, нерпы, собаки, в зависимости от того, какое живое существо теперь этот божок представляет. После помазания его наряжают в одеяние, обычно формой человеческого одеяния. На шею амулета повязывают волшебную траву, обычно такой травой является осока прибрежная, растущая на морской косе или в тундровой части суши. Если это личный амулет, то хозяин его надевает на шею или просто носит в вещевом мешке, может и подвесить на оружие: копьё, ружье, лук и другое. Амулеты обычно берут с собой на охоту, в дальний путь следования на собачьей или оленьей упряжке. Амулеты приносят удачу, охраняют человека от всевозможных напастей, болезней, нарочитой порчи со стороны другого человека. Причем, амулеты нередко подкармливают, помазывая пищей ротовой прорез.

У коряков и у аллюторцев до сего дня имеются специальные идолки писгию (корякск.) и писгиру (аллюторск.). Эти идолки обычно делаются из ольхового дерева (например, у аллюторцев). Эти идолки имеют специальное назначение – охранять оленепоголовье. Так, например, если в оленетабуне произошел откол поголовья, то коряки вытаскивают из потайного вместилища – мешочка кожного, «кормят» его, затем «задают строгача» – бьют ремнем и говорят ему или двоим-троим идолкам: Ну-ка, писгию, найдите потерявшихся оленей и приведите и верните в оленестадо их. Если это говорит, вернее, дает задание идолкам шаман, или обладающий магией, или другой сверхъестественной способностью, то писгию, писгиру послушно отправляются на поиски отбившегося оленепоголовья и исполняют в точности все распоряжения хозяина. Сами эти оленные идолки, конечно же, заговорены по специальной программе, предназначенной для оленеводства.

У аллюторцев бывают и другие идолки – хранители семьи и рода. Аллюторцы заговаривают каждого идолка, злых духов, волшебные священные места, чему поклоняются люди данного племени. Лишь одно запрещено у этого племени: нельзя эти идолки, божки заговаривать так, чтобы они были направлены против человека, даже самого ненавистного. Это может обернуться и против самих хозяев, грех величайший иметь таких идолков. Очень плохи идолки, божки такого рода. Они потом привыкают: если они, эти идолки, божки, пока не «поедят человеческого мяса», то не будут ничего доброго делать для хозяев. В этих случаях, если идолки направлены против человека, заговорены по такой «программе», они становятся «прибавкой к злым духам». Ведь назначение идолков именно такое: охранять семейное благополучие, бороться против болезней, напастей, порчи и тому подобное. «Их Хозяин Итэн-вэлтэн посылает людям именно для добрых намерений, а не злых». Мало того, такого рода идолки предназначены для умиротворения, примирения людей, подавлять в людях гордыню, злые помыслы.

Корякская религия, в частности, шаманизм, магия данного народа (в белом или в черном варианте) ждут своего исследователя.

В заключение скажем, что эта отрасль знания в духовной культуре мало, может даже, еще не исследована, поскольку в советское время коряки все это считали за святая святых, потому ни одному исследователю об этом не давали полных сведений. Освещалось только то, что, как говорится, лежало на поверхности. Попутно заметим, что коряки такие же огнепоклонники, как и брахманы,

монахи Индии в древние времена: точно также хоронят умерших путем кремации; как и тибетские монахи верили в то, что бог – во всем – живом и неживом в окружающем мире; так же этот народ традиционно, исторически стремился к гармонии с природой.

- ¹ *Вдовин И.С.* Природа и человек в религиозных представлениях чукчей // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX-начало XX вв.): Сб. статей. Ответствен. ред. И. С. Вдовин. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1976. – с. 217.
- ² Там же, – с. 218.
- ³ *Iochelson W.* The Koryak. Religion and Myths. The Jesup Pacific Expedition, Vol. VI, part 1. Leiden-New-York, 1905.
- ⁴ *Антропова В. В.* Представления коряков о рождении, болезни и смерти // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера: Сб. статей. Ответствен. ред. И. С. Вдовин. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1976. – с. 254.
- ⁵ *Скорик П.Я.* Палеоазиатские языки и их изучение в Институте языкознания АН СССР // Палеоазиатские языки. Сб. научных трудов. Ответствен. ред. П.Я. Скорик. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1986. – с. 20.
- ⁶ *Крашенинников С.П.* Описание земли Камчатки. – М.-Л., 1949. – с. 226-227.
- ⁷ *Крашенинников С.П.* Описание земли Камчатки. – М.-Л., 1949. – с. 232.
- ⁸ *Крашенинников С.П.* Описание земли Камчатки. – М.-Л., 1949. – с. 232-233.
- ⁹ *Крашенинников С.П.* Описание земли Камчатки. – М.-Л., 1949. – с. 234.
- ¹⁰ *Беретти Н.Н.* На Крайнем Северо-Востоке. – Владивосток: Владивосток. отд-ние гос. русск. географ. общ-ва, 1929. – с. 35-36
- ¹¹ *Беретти Н.Н.* На Крайнем Северо-Востоке. – Владивосток: Владивосток. отд-ние гос. русск. географ. общ-ва, 1929. – с. 36
- ¹² Там же. – с. 37.
- ¹³ Там же. – с. 37.
- ¹⁴ Цитата заимствована из монографии «История и культура коряков. Историко-этнографический очерк». Под общ. ред. акад. А. И. Крушанова. – СПб: «Наука», 1993. – с. 122.
- ¹⁵ *Iochelson W.* Religion and Myths of the Koryak // Memoirs of the American Museum of Natural History (Leiden), 909. Vol. 10. Part 1. P. 121.
- ¹⁶ История и культура коряков / Историко-этнографические очерки. РАН, Дальневосточное отд-ние; Ин-тут, истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. Под. общ. ред. акад. А. И. Крушанова. – СПб: «Наука», 1993.
- ¹⁷ История и культура коряков. – с. 114.
- ¹⁸ История и культура коряков. – с. 115.
- ¹⁹ История и культура коряков. – с. 115.
- ²⁰ История и культура коряков. – с. 115.
- ²¹ У алюторцев Полярная звезда называется Кипалгънав или Итганар то есть Светлая звезда, названная в честь жены Кипалгъулгън.